

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕПОСТНОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ВЕНГРИИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

ИВАН СОЛОНКИН

Потребности расширяющегося рынка Габсбургской монархии в сырье и рабочей силе вынудили Иосифа II. провести в Венгрии аграрную реформу. Указ от 22 августа 1785 года отменял личную крепостную зависимость крестьян и предоставлял им право свободного передвижения; запрещал сгон крестьян с земли. Кроме этого он ограничивал юрисдикцию помещиков по отношению к крепостным.¹

Перед смертью Иосиф II. большую часть своих распоряжений отменил. В силе остался лишь его указ в отношении крепостных: указ о праве свободного перехода.

Государственное собрание 1790—1791. г. г. в полном объеме восстановило старые дореформенные порядки, основанные на „терезинских урбариях”.²

Повинности, ложившиеся на плечи крепостных, включали в себя все три вида феодальной ренты: денежную, натуральную, отработочную.

Денежная рента в этих повинностях в изучаемый период составляла значительную долю. К ней относились: дымовые деньги, выкуп помещика, денежный подарок на свадьбе помещика.

Дымовые деньги (*füstpénz*) — 1 форинт в год крепостные, желлеры с домом платили помещику двумя частями: в дни св. Георгия (12 марта) и св. Михаила (29 сентября). Желлеры без дома от этой уплаты освобождались.³

На основании закона от 1548 года (статья 39), закрепленного в Урбарии Марии-Терезии, крепостные были обязаны выкупать своих помещиков, попавших во время войны в плен.⁴

В честь свадьбы или первой мессы помещика крепостным необходимо было делать денежные подарки. Иногда они с согласия помещика или по его желанию заменялись натуральными. Урбарий подобные замены предусматривал. Величина этих подарков не устанавливалась и зависела полностью от местных условий.⁵

Чтобы уплатить требующиеся повинности, крестьяне вынуждены были продавать часто часть своего необходимого продукта, делать

кабальные займы у своих деревенских ростовщиков, идти к богатым соседям работать по найму, уходить из деревни на дополнительные заработки. Таким образом, денежная рента предполагала превращение части продукта крестьянами в товар, что особенно характерно для позднего феодализма. Как следствие этого крестьянское хозяйство все больше утрачивало свою независимость, свою оторванность от общества, а это требовало, в свою очередь, серьезной перестройки существующего крепостнического строя.

Это с одной стороны, а с другой, денежные повинности требовали дополнительной затраты физической энергии крестьян: чтобы реализовать свой продукт на рынке и получить за него деньги, необходимо было дополнительное время, дополнительные транспортные средства — все это отягчало крестьянина. Кроме денежных повинностей помещику, деньги нужны были крепостному крестьянину и для уплаты государственных налогов.

Основным налогом в пользу казны являлся военный (*hadi adó*) Он был введен в настоящем виде в Венгрии в 1715 г. (статья 8 закона этого года) в связи с созданием постоянной армии. Дворяне этого налога не платили, т. к. несли военную службу. Размер военного налога устанавливался императором, канцелярией, но обязательно утверждался Государственным собранием. До 1812 года это происходило автоматически: то есть, если император не просил новой суммы налога, устанавливалась старая. С 1825 года сумма налога утверждалась в каждом отдельном случае и только по просьбе императора. Раскладку этого налога по комитата осуществлял особый комитет под руководством наместника. Раскладка на комитаты осуществлялась по „портам”. „Порта” в XIX веке была переходной единицей обложения, которая в настоящем виде сложилась в середине XVII века. Ее величина, по закону 1635 г., зависела от имущественного положения крестьянства: в нее (порту) входило 4 крепостных, имеющих под плугом 4—6 тягловых животных, или 8 крепостных, имеющих по 2 тягловых животных.⁶

Последний подсчет порт был произведен еще в 1647 году и с тех пор, в связи с увеличением территории и населения, вносились лишь поправки. В первой половине XIX века таких порт насчитывалось 6346 1/8⁷. В среднем на одну порту при раскладке приходилось 690 форинтов, при общей сумме налога 4.395.244 форинта.⁸ Но раскладка по стране происходила крайне неравномерно. Так, в конце XVIII века основная тяжесть налогов падала на густонаселенные северо-западный и северный районы страны, в XIX веке — на Алфёлд.⁹

Но порта была лишь переходной единицей обложения: по ней происходила раскладка только в целом по комитатам. Внутри же комитатов уже с 1696 года распределение налогов происходило на основе совершенно искусственной единицы налогового обложения — дики (*dica*).¹⁰ Счет дик осуществлялся следующим образом: хозяин — 1 дика, его жена — 1/2 дики, 2 лошади, 20 кг пшеницы — 1—2 дики и т. д. Количество земли в расчет не принималось. Вследствие полной

неопределенности величина 1 дики в денежном отношении в зависимости от комитата колебалась от 1 до 10 форинтов.¹¹

В целом же военный налог представлял по годам следующее.¹²

в 1765 г.	— 3.900.000 фор.
1782 г.	— 4.392.911 фор.
1847 г.	— 4.395.244 фор.

Своеобразной формой налога была монополия государства на соль. В 1848 году от продажи соли по очень дорогой цене, государством было выручено чистого дохода на 10,66 мл. форинтов. Основным же покупателем соли было всё то же крестьянство.¹³

Házi adó (подворный налог) — является комитатским налогом. Он собирался на содержание комитатских управлений и устанавливался комитатским собранием, поэтому общей системы его сбора не существовало. В первой половине XIX века в связи с увеличением аппарата комитатов, расширением строительства церквей и т. п. комитатский налог постоянно растет. Так, в комитате Пешт он поднялся с 91.226 форинтов в 1790 году до 136.500 форинтов в 1840 году.¹⁴ В 40-е годы, по подсчетам современного историка Яноша Варги, в среднем по стране комитатский налог составлял 60—70% от военного налога.¹⁵ Однако были комитаты, где он значительно превышал военный налог, например, в комитате Боршод в 1817 г. комитатский налог составлял 143.438 фор., а военный только 66.336 фор.¹⁶ По Берзевици в 20-е годы в северных комитатах из 30 форинтов двух налогов 20 приходилось на комитатский налог.¹⁷

Военный и комитатский налоги обычно собирались вместе. Сначала свою долю забирал комитат, добрая сумма из которой шла в карман ишпану комитата.

К числу государственных налогов с большой натяжкой можно отнести и сельский налог (községi adó), который собирался на нужды сельского самоуправления, а лучше сказать был одной из форм обогащения старосты, писаря села. Обычно он отчислялся от общих доходов села, но частично добавлялся и за счет жителей.¹⁸

На основании указа от 1548 года (статья 39) на крестьянских плечах лежала оплата расходов комитатских послов на государственных собраниях, что являлось недоразумением, так как это был чисто дворянский представительный орган, в который не только крестьянству, но и другим недворянским сословиям входа не было.

Сумма этого налога в расчете на одного крестьянина, по мнению Дьёрдя Сабада, равнялась стоимости „подарков”, т. е. стоимости натуральных повинностей. Янош Варга в зависимости от населения комитатов оценивает величину этих расходов на 1 крестьянина от 2 до 12 форинтов в год. Собирался он вместе с военным налогом. Говоря в целом о налогах в пользу государства, важно также отметить, что эти налоги платили не все крестьяне, а лишь те, кто числился в урбариальных списках. Те же, кто жил на земле помещика, государ-

ственных налогов не платили. Поэтому было вполне понятным стремление помещиков иметь как можно больше именно таких крепостных, чтобы не иметь конкурентов в эксплуатации крестьян.

В качестве вывода можно сказать, что, несмотря на некоторое уменьшение государственных налогов на душу населения в связи с его ростом, в первой половине XIX века государственные налоги для крепостных были тяжелым бременем.

Существенную долю в крестьянских повинностях занимала натуральная рента. К ней относились: девятина, десятина, „подарки”. Главную роль в натуральных повинностях играла узаконенная еще в XIV веке (1351 г. статья 6) девятина. Она бралась с урожая и со скота. После второго урожая девятина не бралась в том случае, если уже была полностью уплачена после первого урожая. Со льна и конопли крепостному разрешалось сдавать девятину готовой продукцией: в количестве 6 футов льняной или конопляной ткани. Согласно Урбарию, при отсутствии необходимого количества скота, девятина с крепостного взималась деньгами.¹⁹ Девятина с вина получила особое название от горных районов, где значительные площади занимали виноградники, *hegyvám* („горная подать”).²⁰

Десятиной облагались в первую очередь крепостные, обрабатывающие свои земли, а также земли, обложенные крепостными обязательствами. Освобождались от нее только пастухи-влахи. Желлер, не имевший посевов, платил христианскую мзду. Уплачивать десятину со своей доли должны были и издольщики; если же эта доля была меньше десяти, то они выкупали ее серповым сбором. Откупную платили табунщики, пастухи, свинопасы, а также мельники, сельские старосты. Работники, состоявшие в услужении у помещиков, со своих посевов, если у них таковые были, платили в виде откупа, т. е. „кнутовые”, а с урожая свыше десяти, вносили, как обычно, десятину. Наряду со всеми видами зерна, десятиной облагались бараны, козы, куры, пчелы, вино, просо, чечевица, горох, лен, конопля, свекла, лук, капуста, серго, кукуруза, картофель, табак и т. п. Всего вместе с девятиной они забирали у крепостного 20% произведенного в хозяйстве. Порядок взимания десятины основывался на статье 29 от 1500 года. Согласно этой статье, из полного урожая крепостного сначала надо было взять девятину, а уж потом из того, что осталось, — десятину, Урбарий М. Т. этот порядок подтвердил.

Собирались девятина и десятина после окончания жатвы. Занимались этим служащие помещика или церкви, но при этой процедуре должны были присутствовать староста деревни и присяжные. Вывозить урожай домой, не сдав десятину и девятину, не разрешалось. Но служащие не успевали, естественно, быстро собрать их со всех крестьян. Это в лучшем случае, а в худшем — и вообще не спешили этого делать. И без того скудный урожай крепостных гнил и портился, находясь в поле, под дождем и ветром. О том, что это было отнюдь не единичное явление говорит то, что, видимо, под наплывом жалоб крестьян, Государственное собрание в 1802 г. было вынуждено принять

отдельный закон по этому вопросу. Согласно статье 7 этого закона, крепостной сразу же после жатвы обязан был сообщить об этом помещику. Последний же должен был забрать положенную ему часть в течение 8 дней. Если же он не успевал это сделать, крестьянин получал право отвезти урожай домой. Ясно, что и 8 дней осенью вполне достаточно, чтобы урожай основательно был подпорчен, поэтому этот срок крестьян несколько не удовлетворил.²¹

Десятину и девятину с винограда помещик обязан был брать во время сбора винограда. Однако и здесь помещики поворачивали дело с выгодой для себя и с ущербом для крепостных. Они заставляли крестьян во время сбора винограда свозить его (виноград) в указанные помещиком места, обычно на территории имения, что требовало от крестьян дополнительных затрат времени и труда. Именно поэтому статья 3 закона от 1807 года внесла в этот вопрос еще одно уточнение: „сбор девятины и десятины с винограда должен был происходить в винограднике крепостного, а не в каком-либо другом месте”.²² Ясно, что это уточнение было внесено отнюдь не по желанию или по доброй воле дворянства, а под нажимом все того же крестьянства.

В некоторых местах страны, обычно в винодельческих районах, крепостные вместо девятины и десятины платили седьмину, что допускалось и Урбарием.²³

К натуральным повинностям относились также „подарки” крепостных помещику. Этот вид ренты был узаконен в Венгрии с 1514 г. Согласно Урбарию Марии-Терезии, крепостной отдавал помещику ежегодно 2 курицы, 2 каплуна, 12 яиц, 1 теленка с 30 дворов, 1 итце (0,85 литра) масла (если крепостной имел корову). Все эти подарки могли быть заменены деньгами в количестве 48 крейцаров.²⁴

Преобладающим видом феодальной ренты в Венгрии в первой половине XIX века оставалась отработочная повинность: барщина, подводная повинность, „обязательная охота”, общие работы.

Барщина оставалась в этот период самой тяжелой повинностью для крепостных. Крепостной с полным наделом, согласно Урбарию Марии-Терезии, должен был отработать на помещичьем домене 1 раз в неделю со своим скотом, а без него 2 раза в неделю. В году соответственно получалось 52 и 104 дня. Для крестьян с 1/2, 1/4, 1/8 надела количество барщинных дней было пропорционально меньше. Так, желлерами с домом отрабатывалось 18 дней в году, а желлерам без дома необходимо было отработать 12 дней.²⁵

Рабочий день на барщине начинался по звону колокола к „ранней утрени”, то есть до восхода солнца. В 8 часов утра крепостным обычно предоставлялся короткий перерыв на завтрак, состоявший из кукурузного хлеба и „дзямы” — кукурузной же похлебки. После этого работа продолжалась до нового удара колокола, призывавшего к молитве „полуденной”, когда для крестьянина устраивался перерыв на обед „Дзяма” или „киселица” (род постных щей) с добавлением бобов и картофеля составляли обеденное блюдо крестьян. Отдохнув час, снова работают до захода солнца, тогда при звуке колокола на „вечернюю

молитву" возвращаются домой. Так выглядела барщина в Закарпатских комитатах Венгрии.²⁶ Такой она была и во всей Венгрии. И по самому Урбарию рабочий день считался „от восхода до захода солнца”.²⁷ Переходы к месту работы в рабочее время не засчитывались. В зимнее время эти переходы надо было отрабатывать. Только в том случае, если место работы было слишком далеко, тогда это принималось во внимание. Спорные вопросы между крепостными и помещиком относительно барщины разрешал комитатский чиновник (szolgabíró).²⁸ Во время жатвы, сбора сена, сбора винограда помещик имел право требовать от крепостного удвоения рабочего времени на барщине в течение недели,²⁹ чем помещик всегда охотно пользовался, нередко доводя ее до 3—4 дней в неделю.³⁰ Однако согласно Урбарию, в последующую неделю он был обязан освободить крепостного от барщины, чтобы крестьянин мог обработать свой надел. Такое случалось на практике редко, чаще было так, что хорошие дни крепостной работал на барщине, а „в дождь убирал свое сено, свою пшеницу”.³¹ Желлеры от таких сдвоенных рабочих дней могли отказаться.³²

В целом 1/4 часть барщины должна была приходиться на зимнее время.³³ С этим помещики тоже мало считались. В татайском имении князя Эстерхази лишь в 1833 г. крепостные села Банхида перерабатывали сверх барщины 768 дней, а в селе Тап — 1302 дня.³⁴ И на барщину здесь гнали всех, освобождали от нее только самых больных.

Таким образом, можно сказать, что несмотря на подробную регламентацию барщины Урбарием Марии-Терезии и последующими статьями законов, последняя в первой половине XIX века проявляет постоянную тенденцию к увеличению в ее самых различных формах.

Немаловажное место в отработках крепостных занимала подводная повинность. По Урбарию, 4 полнадельных крепостных со своими 4 быками были обязаны помещику в году 2-х дневной подводной повинностью.³⁵ Она в основном заключалась в перевозках товаров помещика, в возке леса. Дороги в Венгрии в это время были очень плохими, особенно осенью и весной, поэтому поездки обычно затягивались на более долгий срок, чем 2 дня. В связи с этим Урбарий вынужден был оговорить этот пункт: если перевозка грузов превышала 2 дня, последующее время шло в счет барщины.³⁶ Ясно, что такая круглосуточная „барщина”, где самому надо было к тому же платить за корм скоту, за свой ночлег несколько не нравилась крестьянам. Хорошо еще, что ему не надо было платить за помещичий груз пограничных пошлин из своего кармана, в частности, „тридцатину”.³⁷ А не будь оговорки об этом в Урбарии, такая возможность не исключалась бы.

Подводную повинность нельзя было заменить денежным оброком.³⁸ К отработочной ренте следует отнести и обязательное участие крепостных в охоте на диких зверей, на которую крестьяне обязаны выделить 3 дня в году.³⁹ Для этой цели крестьянин наделялся помещиком всем необходимым: оружием, пулями, порохом. В средние века, когда появился этот вид повинности, и когда существовала угроза

со стороны диких зверей, это имело смысл.⁴⁰ Но в XIX веке в Европе это было уже редкостью. И помещик пользовался этой повинностью со стороны крепостных в основном лишь для собственного удовольствия: поохотиться. Крепостной же права охоты, птицеловства, рыболовства, а значит и держания различного оружия был лишен еще в начале XVI века (закон 1504 г., статья 18), положения которой были утверждены и Урбарием Марии-Терезии.⁴¹

В первой половине XIX века в Венгрии существовал и такой вид отработочной ренты, как общие работы. Сюда входили многие строительные, ремонтные работы, как в рамках села, так и в масштабах комитата. Все работы производились бесплатно, величина их до 1844 года совершенно произвольно устанавливалась алишпаном⁴² комитата. И они были настоящей обузой для крестьян. Статья 9 закона от 1844 года внесла в этот вопрос некоторый порядок: полнадеальный крепостной со своей упряжкой должен был в году выделять на общие работы 10 дней или же 20 дней без упряжи. На желлеров таких дней падало меньше: желлер с домом должен был отрабатывать в год 6 дней, а желлер без дома — 3 дня. Все это они могли делать без своего тяглого скота. Но это был действительно лишь „некоторый” порядок, т. к. эти общие работы, даже в ограниченной мере, но в совокупности с другими повинностями крепостных не давали возможности венгерскому крепостному заняться своим хозяйством, а значит делали все беспорядочней всю жизнь крепостного.

Отдельного рассмотрения заслуживает целая система повинностей крестьян, связанная с нуждами армии. Согласно статье 8 закона от 1715 года крепостное крестьянство Венгрии, кроме выше названного военного налога, было обязано поставлять рекрутов в армию, расквартировывать находящихся в Венгрии солдат, поить, кормить и перевозить их.

Выполнение воинской повинности для крестьян было настоящим бедствием. Добровольно мало кто шел в армию служить пожизненно. Вербовка в рекруты проводилась в основном насильственными методами и по произволу местных властей, от которого в первую очередь страдало бедное крестьянство. Обычно это происходило по тайному приказанию алишпана комитата. „И как, и когда это делали местные власти? Приходила ночь: домашние спокойно спали после трудного рабочего дня; и тут стук в дверь, входит староста с помощниками, быстро связывают со сна напуганного парня, нередко вытаскивают прямо из кровати молодой жены, вырывают из рук матери. Паника, ужас, плач домашних и родни, как они могут отразиться на душе у рекрута? Вряд ли в нем пробудится смелость, сила! Так все прелести службы отходят на задний план: перед ним даль, неопределенность, темнота, в которой проносятся тени насилия, удаления, будущей нужды и опасности.

Представим себе силой уведенного парня, которого до комитатского центра провожают охающая мать, жена и родственники, который безутешно оплакивается в долгий путь, видя перед собой пустоту;

который, пока есть сила в руках и ногах, обязан держать полученное оружие; и который, наконец, измученный, весь в ранах или по старости с искалеченным телом вернется домой, будет без желания и радостей дотягивать свои дни и вздыхать о без пользы пропавшей юности и зрелости.”⁴³

Требования же в рекрутах в первой половине XIX века постоянно росли. Так государственное собрание утвердило просимое двором количество новобранцев, в 1792 г. — 5000 чел., в 1807 г. — 12 000 чел., в 1830 г. — 30 000 человек.⁴⁴

Вполне понятно, что крестьяне всячески избегали солдатчины: прятались в лесах, увечили себя или отдавались на службу дворянам и священникам, что их освобождало от службы в армии, но об этом можно было бы сказать народной поговоркой, что „хрен редьки не слаще.” Единственно, в данном случае не угоняли далеко от дома, за границу. Иногда крестьяне оказывали сопротивление вербовщикам и дело часто заканчивалось смертоубийством.

Повинности крестьян в связи с расквартированием, питанием и перевозкой солдат были определены декретом Марии-Терезии от 1 ноября 1751 года.⁴⁵ Согласно ему, крестьянин должен был предоставить солдату место для отдыха, соломенный матрац, 2 простыни (летом одну); подушку, одеяло. Солому в матраце он должен был менять два раза в месяц. Простыни, а также кухонную посуду всегда держать в чистоте. За все эти заботы крестьянин в день за 1 солдата получал 1 крейцар. В эту же сумму входила забота об отоплении и освещении жилища постояльца.

Пропитание солдата определялось „порциями” (porció) Стоимость „порции” в месяц равнялась 3-м фори́нтам (закон 1741 г., статья 63). Из порции 2/3 приходилось на человека, 1/3 на лошадь. В продуктах питание солдата в день состояло из 2 фунтов хлеба и 1 фунта мяса. Хлеб мог быть из пшеницы или ржи, но главное хорошо испечен. За предоставление пищи крестьянину полагалось в день 2 крейцера. Дневной рацион лошади был следующим: 8 фунтов сена, 6 фунтов овса, 1 вязанка соломы. Но это только в зимние месяцы. Летом, в мае, июне с 1—15, в июле с 16—31, августе, сентябре и октябре в день 8 фунтов сена, 3 фунта овса. Между 15 июня и 16 июля — 20 фунтов травы. Последнее означало, что крестьянин должен был солдатскую лошадь пасти на своей части луга. За день такой пастбы ему должен был выплачиваться 1 форинт. При необходимости крестьянин был обязан перевозить солдат. Крестьянину с 4 тягловыми животными за 1 переход шло 48 кр.⁴⁶ Все выплаты, о которых шла речь выше, крестьянин на руки не получал. Они складывались в течение определенного времени, а потом сумма вычиталась из военного налога крестьянина. Оплата, составленная еще в середине XVIII века и оплачиваемая военным ведомством совершенно без учета изменившихся цен на продукты, была, конечно, мизерной по сравнению с тем ущербом, который приносило крестьянам обслуживание солдат.

* * *

Для выполнения выше обрисованных повинностей и в качестве своеобразной платы за них, крепостной получал в свое пользование земельный надел.

Надел крепостного в основных чертах определялся Урбарием Марии-Терезии. На основании последнего, этот надел (*telek*) состоял из 2 частей: внутренней (*belső telek*) и внешней (*külső telek*). Величина внутренней части по всей стране была одинаковой и равнялась 1 хольду (1100 сажений).⁴⁷ Она включала в себя дом, постройки, сад. Внешняя часть состояла из пашни и луга, величина которых по комитатам не была одинаковой, и зависела от качества земли. Размер полного надела крепостного по стране колебался в зависимости от комитата от 23 до 63 хольдов.⁴⁸ Величина пахотной земли по комитатам разнилась от 16 до 40 хольдов. При наделении ее учитывалось не только качество земли, но и удаленность участка от деревни. Однако это помещиками практически не учитывалось и крестьяне обычно получали земли худшего качества. Всего по качеству земли было 5 разрядов, 5 разряд, по качеству худшие земли, существовал только в комитатах Берг и Нитра.⁴⁹ Здесь размер пашни колебался от 24 до 28 хольдов. В остальных комитатах существовало 4 разряда. Помещик, подкупая или спаивая официальных измерителей, добивался того, что уже при наделении крестьян землей, а затем в первой половине XIX века при различных регуляциях, эти измерители плохие земли оценивали по более высокому разряду и таким образом крепостной получал землю не только плохую по качеству, но и в значительно меньшем количестве, чем это было положено по Урбарии. Часто, к тому же, перемеры осуществляли служащие помещика. В одной из типичных жалоб о несправедливости таких переделов крепостные деревни Упор комитата Земплен писали, что „прошлой осенью служащие Вашей светлости отобрали нашу землю и так перемерили, что нам осталось только 1/3 от того, что мы имели раньше.”⁵⁰ И это был только один из вполне узаконенных способов обмана крестьян со стороны помещиков, но было много и других. Луга, по Урбарии Марии-Терезии, были разделены на 3 разряда. Деление осуществлялось „касахами”. Один „каш” представлял собой территорию луга, на которой во время первой косьбы можно было набрать столько сена, чтобы наполнить им телегу. Величина каша довольно сильно разнилась по районам страны (1 каш — 0,53 га). В зависимости от пашни к полному наделу прирезалось от 6 до 22 кашей луга. Таким образом, на этом лугу крестьянин накашивал 2—22 телеги сена. Крепостные с 1/2, 1/4, 1/8 частью надела получали и соответствующую долю луга. На практике размер луга, которым пользовались крестьяне, был меньше, т. к. методы наделения крепостного лугом, были тесно связаны с выше описанным наделением пашни.

Можно сказать, что третьим элементом земельного надела являлись определенные права, закрепленные за держателями наделов: право пользования пастбищем, право на рубку леса, резку камыша, право продажи вина и изготовления палинки.

Пастбище, согласно Урбарию, находилось в общем пользовании крестьян. Однако право пользования пастбищем для крестьян было ограниченным. На общем пастбище крестьяне могли пасти скот, используемый ими только для своего хозяйства, для собственных нужд. Скот же для продажи пасти не разрешалось. К тому же именно пастьба коров служила основанием получения помещиком от крепостного 1 итце масла.⁵¹ За выпас свиней помещику следовала отдельная плата.

Крестьяне в первой половине XIX века пункт, ограничивавший количество пасущегося скота, старательно обходили, особенно желлеры. Право рубки леса означало, что крепостной мог из господского леса возить на дрова в основном сушняк, валежник, хворост. Кроме этого, в случае строительства дома, других хозяйственных построек, изгороди и т. п. он мог пользоваться в ограниченных количествах и строевым лесом. Речь здесь идет только о собственных нуждах крепостного, для продажи рубить лес во всех случаях запрещалось.⁵² Но и это было еще не все. Бесплатное пользование лесом относилось не ко всем крестьянам, а только к тем, в районе сел которых этот лес был. Для других же право на рубку леса тоже существовало, но выглядело оно несколько по-другому. За право пользования лесом крестьяне были обязаны нарубить и вывезти определенную часть и для помещика. Обычно рубкой занимались желлеры, а вывозили лес крепостные с наделом, имеющие тягловой скот. Норма для желлеров определялась в половину ёла (1 ёл — 4 м³), а для крепостных с наделом — в целый ёл.⁵³

Подобное положение было и с резкой камыша. Камышом, находящимся в окрестностях села, крепостные могли бесплатно пользоваться для отопления, для покрытия крыш домов и сараев. Крестьяне же других сел за право пользования камышом были обязаны нарезать 40 везанок камыша и доставить их в поместье к помещику.⁵⁴

Отнюдь не простым выглядело право продажи крепостными вина со своих виноградников. В случае, если виноградники крестьян были в районе села, они имели право продавать вино от праздника св. Михаила (29 сентября) до дня св. Георгия (12 марта). Если же виноградники находились за чертой села, то количество дней для продажи вина крепостными сокращалось с праздника с. Михаила до Рождества.⁵⁵

Ограниченным было для крепостных и право гонения палинки. Крестьяне могли гнать палинку только для собственного употребления. Однако и за это помещику полагалась определенная плата.⁵⁶

В связи с правами на рубку леса необходимо упомянуть еще одну категорию крестьян. Урбарий говорит о них следующим образом: „если в каком-то месте лес находится во владении села или поделен между жителями села, то крестьяне здесь свободно пользуются лесом на дрова, на строительство, свободно собирают желуди и помещику не обязаны ни рубкой леса, не платой за желуди. В таком случае помещик тоже не обязан разрешать таким крестьянам ни рубить лес, ни собирать желуди”.⁵⁷ Здесь, как видим, речь идет об общинном

пользовании земельными угодьями, о самой общине. Что с ней стало после введения Урбария и что она представляла собой в первой половине XIX века? Первый исследователь сельской общины в Венгрии Карой Тагани писал, что после урбариального урегулирования община распалась или преобразовалась. Причину этого он видел в выделении из общины помещиков, образование крупных латефундий, переход от натурального хозяйства к товарно-денежному, то, что пахотная земля была распределена между крестьянами. Таким образом, общинная организация, по его мнению, уже не соответствовала потребностям жизни.⁵⁸ На наш взгляд на основании вышеуказанного параграфа в Урбариуме,⁵⁹ в связи с лесом, лучше все же говорить о преобразовании сельской общины в Венгрии, чем о ее распаде.

Мнение о распаде сельской общины несколько упрощает вопрос, затрудняет понимание происходящих процессов в венгерской деревне, как сразу после урегулирования, так и в начале XIX века.

Да, действительно, с переходом пашни, части луга, виноградников в собственность отдельных лиц и ликвидацией в связи с этим одной из основных функций сельской общины — передела пахотных земель, значение общины серьезно снизилось. Однако в ее распоряжении все же осталась часть лугов, леса, камышовых зарослей, которые и юридически в урбариях были обозначены, как общее имущество общинников. О немаловажности этого нам говорит то, что когда встает вопрос об условиях жизни желлеров в начале XIX века, число которых в данный период быстро росло, именно наличие общинных угодий помогало им держать на сносном уровне свое хозяйство. Особенно это касается желлеров без дома, часть которых и постройки-то свои располагали на общинной земле. А данные говорят о том, что часть таких желлеров, почти не имея согласно урбарии земли, за счет разведения скота, свиней, птицы на общественных угодьях жила иногда лучше, чем наделенные крепостные.

На примере села Альшоэрш (близ Балатона) можно видеть, как осуществлялось в первой половине XIX века в Венгрии управление сельской общиной общинными угодьями: лугом, камышовыми зарослями, лесом.⁶⁰

Покос общинных лугов крестьяне всегда производили совместно, а собранное сено делили по копнам поровну. В 1837 году с помощью цепи был произведен раздел еще не скошенных участков луга. Распределение всегда начиналось с одного места и каждый год расчет при распределении начинался с передвижкой 10 дворов вперед. Делалось это для того, чтобы добиться быстрого чередования плохих и хороших участков. Камышовые заросли возле Балатона распределялись по списку. Начиная с восточной стороны, каждому крестьянину-общиннику выделялась полоса шириной в 10 сажений. С той же целью (чередования хороших и плохих участков камыша) каждый год происходила перестановка владельцев на 7 полос на запад.⁶¹

В наличии общины имелось и лесное хозяйство. Назначенные для вырубki участки делились между общинниками, но о вырубке леса каждый уже заботился сам.

Таким образом, можно сказать, что в начале XIX века в тех местах, где сельская община существовала, влияние ее, несмотря на потерю ею функции передела пахотных земель, на социально-экономические процессы в деревне, на хозяйство крестьян оставалось еще значительным.

Таким образом, говоря в целом о наделе крепостного и связанных с ним правах, мы видим, что права держателя надела были обставлены множеством рамок и ограничений, пробраться через которые ему стоило больших трудностей. Значительно усугубляло эти трудности также ряд прав, закрепленных по Урбарии за помещиком: т. н. „малые регалии.“⁶²

* * *

Центральным моментом, определяющим правовое положение крепостного крестьянства, являлось право свободного перехода. В отличие от других стран Восточной Европы (в частности, в России) венгерское дворянство так и не добилось полной ликвидации перехода (вывода)⁶³ крепостных от одного помещика к другому в государственном масштабе. Законодательно право перехода было разрешено в Венгрии в XIII—XIV вв (см. статью 70 декрета от 1298 г.). Согласно этой статье, „любой крестьянин, т. е. зависимый человек какого-либо дворянина, может по своему желанию свободно перейти в имение другого дворянина или в другое место, куда ему будет угодно, для жительства из имения своего господина, получив разрешения, внося справедливую плату и обычную поземельную платину и взяв все свое имущество.“⁶⁴

После крестьянской войны в 1514 году переход, согласно Трипартитуму, был полностью запрещен. Однако на практике этот закон не осуществлялся. В 1608 г. центральная власть передала вопрос о переходе на усмотрение комитатских собраний.

Урбарий Марии-Терезии (2 раздел) гарантировал крестьянам право свободного перехода. Но здесь важно отметить следующее. Право перехода, по Урбарии и до него, касалось не всего крестьянства, а лишь 2 категорий крепостных из трех существовавших.⁶⁵

К первой категории относился „örökös jobbágy“ — „вечно“ крепостной, т. е. крепостной, прикрепленный к земле, из поколения в поколение, находящийся под властью помещика, не имевший права перехода. Вторую категорию составлял „szabad költözésű jobbágy“ крепостной с правом перехода — в противовес „вечному крепостному“ он после выплаты налога государству и повинностей помещику имел право перейти к другому землевладельцу. Эта категория крестьян по величине была небольшой. Главным образом такие были среди „договорных крепостных“. Szerződéses jobbágy — „договорный крепостной“, отношения которого регулировались с помещиком на осно-

вании письменного договора. Договор обычно составлялся между помещиком и целым селом или группой крепостных. В данном случае крепостные платили повинности не по отдельности, а общей суммой. К этой категории, находящейся относительно в более благоприятных условиях, причислялись в первую очереди переселенцы из-за границы.

По численности наиболее многочисленной была категория „вечно крепостных“, а они-то и не имели права перехода. Эта дифференциация крестьянства по личной зависимости существовала до 1785 года, когда Указом Иосифа II она была отменена. Данный указ относительно права перехода касался уже всего крестьянства.⁶⁶ В законодательном порядке право перехода было подтверждено в 1790—1791 г. г. государственным собранием. Согласно статье 35 закона 1790 г., „для всех крепостных и граждан восстанавливается право свободного перехода. Крепостной, уплативший налоги государству и выполнивший свои барщинные повинности, может уйти куда он хочет, после того, как дворянский судья с участием помещика оценит его имущество и постройки, которые крепостной может продать или перенести на новое место. Однако переход может быть осуществлен не в любое время года. Крепостной должен был заявить помещику о своем желании уйти от него до 29 сентября (день св. Миканла), а сам переход мог быть осуществлен только в день папы Георгия (28 ноября) и лишь при условии, что крепостной получил разрешение на переход от помещика, причем без такого разрешения другой помещик не примет к себе крепостного“.⁶⁷

Другим важным моментом, определяющим правовое положение крепостного, являлась юрисдикция по отношению к нему. По всем делам, случившимся между крепостными или крепостными и жelle-рами, они могли обращаться к помещику и его служащим. Споры же, возникавшие между крепостными и служащими имения, разбирал также помещик, и если только крепостной не был удовлетворен решением помещика, тогда он мог апеллировать в комитатский суд. Если же жалоба крестьян касалась самого помещика и помещик отклонит эту жалобу, крепостной опять же может сразу обратиться в суд в комитате. За попытку по стороны помещика или его служащих помешать апелляции крестьянина в высшие инстанции, они должны привлекаться к ответственности.⁶⁸

Какие же и как разбирались помещиком дела крепостных? Очень интересно обосновывал Урбарий меру наказания, которую мог наложить помещик на крепостного. Так, за ущерб, нанесенный крепостным на поле помещика или его скоту, помещик должен наложить на него наказание не в деньгах и не телесное, а только 1—2, самое большое 3 дня добавочной пешей барщины. Что это, забота о самом крепостном? Отнюдь нет, и здесь наглядно проявляется истинная причина „заботы“ центральной власти о крестьянах, которая заключается прежде всего в том, чтобы сохранить для государства налогоплательщика. Параграф Урбария так прямо и гласит: „не в деньгах, от чего народ, *платящий налоги* (подчеркнуто мной — И. С.), очень разоряется и не телесное...“⁶⁹

Понятно, конечно, и то, что „забота” о здоровье крепостного продиктована теми же причинами.

3-мя днями дополнительной барщины крепостной наказывался и за сбор пеньки и желудей в лесу помещика без его разрешения,⁷⁰ за ношение оружия,⁷¹ за нарушение помещичьего „права корчмы” и продажи вина крепостными в неустановленные для них сроки.⁷² Несколькими меньше добавочной барщины — 1/3 дня налагалось на крепостного за порчу леса,⁷³ за нарушение права продажи мяса.⁷⁴ Как мы видим, помещику не стоило больших трудностей найти повод, чтобы заставить крепостного работать на барщине значительно больше, чем это определялось Урбарием, и делать это он мог на вполне законных основаниях, т. е. на основании того же Урбария.

И только в том случае, если такие наказания не помогали и „крестьянин... не исправлялся”, его наказывали телесно: кто поздравее, того 24-ми ударами палки, кто послабее — 24-мя ударами кнута.⁷⁵ Пожалуйста, опять же „гуманность”!? За неявку же крепостного на барщину по лени или другим неуважительным причинам, а это определял помещик, он получал 12 палок.⁷⁶

Дальнейшей мерой наказания являлось сидение в каталажке на сухом хлебе и воде. Если же он попал в тюрьму и там по приказу помещика был закован, то за то, чтобы его расковали, он, по обычаю, должен был заплатить 15 кр.⁷⁷

Все вышеназванные наказания осуществлялись в рамках помещичьего суда, который в течение всей первой половины XIX века продолжал играть основную роль в судопроизводстве над крепостными. В помещичий суд, кроме помещика входили представители комитатской власти, обычно алишпан и несколько помещиков-соседей.⁷⁸ Из них (помещичьих судов) часть обладала высшей юрисдикцией над крепостными: т. е. „правом меча”. „Право меча” феодаль в Венгрии получили в XIII веке, а в XIV века в статье 18 закона 1351 года это право получило законодательное оформление. По этому праву помещики могли строить в своих имениях виселицы и приводить в исполнение вынесенные ими же смертные приговоры. К 1848 г. в Венгрии имелось 167 корпоративных и 304 личных помещичьих суда, располагавших этим правом.⁷⁹ Для того, чтобы вынести крепостному смертный приговор, помещику необходимо было пригласить из комитата или из соседних поместий 3 присяжных.⁸⁰

Таким, в основных чертах, было положение венгерского крепостного крестьянства, согласно венгерскому феодальному праву. На основании всего вышесказанного мы можем сделать некоторые выводы об изменениях в положении крестьянства, происходивших в конце XVIII начале XIX веков. В этих изменениях проявляются следующие тенденции. Во-первых, в результате предпринятых действий центральной власти наблюдается определенная стабилизация феодальной ренты для урбариальных крепостных в том случае, если помещики не нарушали принятых законов. Однако уже законодательно помещикам предоставляется возможность значительного увеличения одного из

видов феодальной ренты — отработочной *барщины*. И в первой половине XIX века эта потенциальная возможность становится реальной. Во-вторых, наблюдается уже законодательное ограничение возможностей расширения крестьянского землепользования и наоборот — создание возможностей помещикам для уменьшения крестьянских наделов. В-третьих, разрушение центральной властью крестьянской общины и связанных с ней прав пользования земельными угодьями и оформление вместо этого сильно ограниченных прав держателей наделов. Две последних тенденции оказали решающее воздействие на развитие крестьянского хозяйства: они в значительной мере затрудняли приспособление хозяйства крестьян ко все более углубляющемуся развитию товарно-денежных отношений в деревне. Недостаточная возможность крестьянского хозяйства приспособиться к новым условиям вела к общему ухудшению положения крестьянства. Это отмечали уже и современники. Так, по подсчетам венгерского экономиста того времени Берзевици, расходы крепостного в год в денежном выражении составляли около 255 форинтов (см. таблицу).⁸¹

Наименование	Цена	
	ф.	кр.
Барщина	17	40
Под. повинность	2	30
Рубка леса	1	
Дымовые деньги	1	
3-х дн. охота	—	30
Девятина, десятина	12	
Гос., комит, налоги	30	
Сод. ц-и, ш-ы и т. п.	4	
Плата ц-и	2	
Плата пастухам	8	
На собств. нужды	30	
Кузнецу, бондарю	20	
Наемн. рабочим	50	
Одежда, пит. сем.	60	
Строит. дорог и т. п.	8	
Рекрут. деньги	2	
Содержание солдат	6	
Всего	255	

Все же произведенное крестьянином за год Берзевици оценивалось в 180 форинтов. Таким образом, недостаток в 75 фор. они должны были восполнить дополнительным трудом. О крайне ограниченных возможностях изыскания времени для такого труда пишет другой современник. Он отмечает, что кроме официально указанных 104 дней пешей барщины или 52 со скотом, 78 дней у крепостного уходило на различные государственные работы, 18 дней — на работу по селу и работы в церкви. Таким образом, на собственное хозяйство у крепост-

ного оставалось менее 100 дней, из которых 50 дней приходилось на зиму.⁸² Все эти расчеты современники в основном строили на крепостных с наделом (см. пункт 13 в таблице), которые могли в своем хозяйстве использовать даже наемных батраков и уж как минимум имели 2 лошади, 2 коровы, 2 быка, телку, свиней, кур, гусей.⁸³

Однако число наделных крестьян, составлявшее в 1787 г. еще 66,65% крестьянства, к 1828 г. уменьшилось до 52,77%.⁸⁴ Эта тенденция к уменьшению процента полнаделных крепостных сохранилась и в дальнейшем. Число же желлеров в указанный период наоборот увеличилось с 6,23% до 13,27%.⁸⁵

С правовым положением крестьян, как мы видим, дело обстояло не намного лучше. Привязанный к помещику своим земельным наделом, находящийся под его юридической властью, крепостной очень в редких случаях мог распорядиться предоставленной ему законом личной независимостью. Можно в целом сказать, что на практике она мало чего значила. Бесправность положения крепостных крестьян в начале XIX века особенно хорошо подчеркивает дикое, средневековое „право меча“, которое предоставляло ряду крупных феодалов право неограниченного самоуправства над своими крепостными. Поэтому, несмотря на все статьи законов, регулировавших юридическое положение крепостного, как справедливо отмечали и современники, можно сказать, что „в Венгрии в первой половине XIX века у крестьян фактически нет ни гражданских, ни семейных прав“.⁸⁶

Примечания

- ¹ II József rendelete a jobbágy személyes szabadságáról. Magyar történeti szöveggyűjtemény. II/2 1526–1790. Bp. 1968. стр. 1066–1067.
- ² Corpus Juris Hungarici. Magyar törvénytár. 1740–1835 évi törvények. Bp. 1901. 1791–35 t. c. (далее – СЖ). Последующие Государственные собрания лишь подтверждали 35 статьи закона 1791 года. См. 1792–12, 1796–3, 1802–6, 1805–3, 1807–3, 1808–9, 1827–10, 1830–14.
- ³ Országos Levéltár. Helytartótanácsi Levéltár. C. 59. Departamentum urbariale. Mária Thresianym. Urbarioma. In Natura. 4 p. 1. §. (далее – Urbarium).
- ⁴ Urbarium, 4 p. 6. §.
- ⁵ Urbarium, 4 p. 4. §.
- ⁶ Eckhart, Ferenc. Magyar alkotmány és jogtörténet. Bp. 1946. стр. 295.
- ⁷ Varga, István: A közterhek. A parasztság Magyarországon a kapitalizmus korában. 1848–1924. I–II. k., Bp. 1965. I. стр. 249.
- ⁸ Ibidem.
- ⁹ Ibidem.
- ¹⁰ Eckhart, Ferenc. Ук. соч., стр. 296.
- ¹¹ Varga, István. Ук. соч., стр. 250.
- ¹² Ibid., стр. 249.
- ¹³ Ibid., стр. 251.
- ¹⁴ Szabó, István. Tanulmányok a magyar parasztság történetéből. Bp. 1948., стр. 68.
- ¹⁵ Magyarország története. Bp. 1964. стр. 432.
- ¹⁶ Székfi, Gyula. Magyar történet. V. k., Bp. 1936. стр. 88.
- ¹⁷ Berzeviczy, Gergely. Élete és művei. Bp. 1902, стр. 131.
- ¹⁸ Varga, István. Ук. соч., стр. 250.
- ¹⁹ Urbarium, 5 p. 1. §.
- ²⁰ Urbarium, 5 p. 3. §.

- ²¹ CJH, стр. 285.
- ²² CJH, стр. 341.
- ²³ Urbarium, 5 p. 7. §.
- ²⁴ Urbarium, 4 p. 5. §.
- ²⁵ Urbarium, 3 p. 1. §.
- ²⁶ И. Г. Коломиец. Очерки по истории Закарпатья. Томск, 1959, стр. 15.
- ²⁷ Urbarium, 3 p. 1. §.
- ²⁸ Urbarium, 3 p. 2. §.
- ²⁹ Urbarium, 3 p. 5. §.
- ³⁰ Magyarország története. III. k., Bp. 1961, стр. 453.
- ³¹ Wesselényi, Miklós. Balitéletek. Történelmi olvasókönyv VII/I Bp. 1972, стр. 196.
- ³² Urbarium, 3 p. 7. §.
- ³³ Ibidem.
- ³⁴ Szabad, György. A tatái és gesztesi Eszterházy-uradalom áttérése a robotrendszerrel a tőkés gazdálkodásra. Bp. 1957, стр. 217.
- ³⁵ Urbarium, 3 p. 12. §.
- ³⁶ Ibidem.
- ³⁷ Тридцатина (tricesime) пошлина, взимаемая отдельными помещиками и государством с товаров, провозимых через определенные пункты.
- ³⁸ Urbarium, 3 p. 12. §.
- ³⁹ Urbarium, 3 p. 17. §.
- ⁴⁰ Urbarium, 6 p. 3. §.
- ⁴¹ Urbarium, 8 p. 12. §.
- ⁴² Алишпан (alispán) – заместитель главного ишпана комитата и председатель комитатского суда.
- ⁴³ Kölcsey, Ferenc. A katonafogdosás rendszeréről a sorvonás tárgyában. Történelmi olvasókönyv. Bp. 1972, стр. 194.
- ⁴⁴ CJH, стр. 243, 335, 499.
- ⁴⁵ Mária Terézia katonai szabályzata. Bécs, 1751, nov. 1., Magyar történelmi szöveggyűjtemény II/2 1526–1790. Bp. 1968, стр. 945.
- ⁴⁶ Ibid, стр. 947.
- ⁴⁷ Urbarium, 1 p. 1. §.
- ⁴⁸ Ibidem.
- ⁴⁹ Ibidem.
- ⁵⁰ Jobbágylevelek. Bp. 1951, стр. 227.
- ⁵¹ Urbarium, 4 p. 5. §.
- ⁵² Urbarium, 2 p. 4. §.
- ⁵³ Urbarium, 3 p. 13. §.
- ⁵⁴ Ibidem.
- ⁵⁵ Urbarium, 2 p. 1. §.
- ⁵⁶ Urbarium, 4 p. 7. §.
- ⁵⁷ Urbarium, 2 p. 8. §.
- ⁵⁸ Tagányi, Károly. A régi magyar községről. Agrártörténelmi Szemle. 1957. 1–2. стр. 153.
- ⁵⁹ Urbarium, 2 p. 8. §.
- ⁶⁰ Jablonkay, Géza. Az alsóörsi közbirtokosság a közös gazdálkodás egy régi formája. Agrártörténelmi Szemle. 1968. 1–2. стр. 201. Хотя здесь идёт речь о дворянском селе, однако функциональный механизм сельской общины в крепостной деревне в первой половине XIX века был несомненно, таким же.
- ⁶¹ Ibidem.
- ⁶² Малые регалии – плата, взимаемая помещиком с крепостных за пользование мясной лавкой, переправами, пристанями, мельницей, рынком.
- ⁶³ В. П. Шушарин. Крестьянское восстание в Трансильвании (1437–1448). Москва, 1963, стр. 110–111.
- ⁶⁴ Там же, стр. 101.
- ⁶⁵ Varga, János. Jobbágyrendszer a Magyarországi feudalizmus kései századaiban. Bp. 1969, стр. 316.
- ⁶⁶ II. József rendelete... стр. 1066–1067.
- ⁶⁷ CJH, стр. 185.

- ⁶⁸ Urbarium, 8 p. 1. §.
⁶⁹ Urbarium, 8 p. 4. §.
⁷⁰ Urbarium, 8 p. 11. §.
⁷¹ Urbarium, 8 p. 12. §.
⁷² Urbarium, 8 p. 13. §.
⁷³ Urbarium, 8 p. 8. §.
⁷⁴ Urbarium, 8 p. 15. §.
⁷⁵ Urbarium, 8 p. 4. §.
⁷⁶ Urbarium, 8 p. 14. §.
⁷⁷ Urbarium, 8 p. 5. §.
⁷⁸ Urbarium, 8 p. 1. §.
⁷⁹ Acsády, Ignác. A magyar jobbágyság története. Bp. 1948. стр. 386.
⁸⁰ Eckhart, Ferenc. Ук. соч., стр. 315–316.
⁸¹ Berzeviczy, Gergely. Ук. соч., стр. 130–131.
⁸² Robot és dézsma erkölcsi és anyagi mező-statusgazdasági tekintetben. Pest. 1845, 1845, стр. 381.
⁸³ Berzeviczy, Gergely. Ук. соч., стр. 133.
⁸⁴ Varga, János. A jobbágyi földbirtoklás típusai és problémái 1767–1848. Bp. 1967. стр. 131.
⁸⁵ Ibidem.
⁸⁶ Berzeviczy, Gergely. Ук. соч., стр. 129.